

Виктория Коритнянская

Аз есмь

Хорошо думается в дороге. В автобусе, поезде – неважно. За окном мелькают дома, поля, люди, ты несешься вперед, а в голове неспешно тянутся, переплетаются мысли.

И вот однажды... В кружевной канве своих мыслей я увидела людей. Много людей. Моих бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек, всех тех, благодаря которым «аз есмь» на этом свете. Но были еще и другие. Совершенно чужие, посторонние люди. Многие мелькнули в жизни моих предков, произнеся всего несколько слов, бросив взгляд или сделав движение. Но какую колоссальную роль сыграли они в истории моего рода! В моей истории!

...Это случилось в 1950-е. Тяжелое, страшное время. Моим бабушкам уже хорошо за тридцать, они давно замужем, и у каждой по двое детей. И так случилось, что здоровье их, подорванное голодным детством и войной, дало сбой почти одновременно. У одной миома, а у другой – что-то со щитовидкой, обе они ходят по докторам, прилежно сдают анализы, принимают таблетки и даже лежат в больницах, но – все безуспешно. И тогда бабушка Наташа едет в Киев, в какой-то институт, и там по совершенно бешеному блату, простояв в длинной очереди весь день, попадает, наконец, к старому профессору. И тот, улыбаясь в пышные усы, говорит бабушке единственное слово: «Рожать». Это сказанное и, наверное, тут же забытое им «рожать» оказалось для меня судьбоносным. Бабушка родила мою маму, а та, в восьмидесятом, родила меня.

С другой моей бабушкой, Марфой, произошло почти то же. С тем лишь отличием, что совет «рожать» дала ей женщина – врач-эндокринолог. Сказанные ею слова воплотились суровой

зимой пятьдесят четвертого в крепкого смуглого мальчишку – моего папу. Потом сестра мамы устроила встречу моих будущих родителей, они поженились, родили меня и брата. Так ветвь нашего рода, могущая не быть вовсе, продолжает жить во времени, в нас и в наших сыновьях... И страшно подумать, что ни моих родителей, ни меня, ни брата, ни наших детей могло бы не быть, попадись бабушкам другие врачи. Или... Да сотни причин могли помешать, воспрепятствовать, не позволить. А мы есть. Есть благодаря чьим-то вовремя сказанным словам, совершенным поступкам, а иногда – даже взгляду и жесту...

Мой трижды прадед Василий по твердому убеждению всей родни обладал сверхъестественным даром. Он легко предугадывал будущее и взглядом своим умирал разъяренных животных. Об этих его способностях сохранилось несколько преданий, но, пожалуй, в самом ярком из них – история рождения моего прапрадеда.

Время стерло подробности, знаю только, что случилось это на охоте. На поляне вдалеке от места облавы отдыхали жены охотников, и почему-то немного поодаль – Василий со своей женой Инной. Вокруг громко поют птицы, мирно беседуют и смеются женщины. И вдруг... На поляну вышел огромный вепрь. Он уставился свирепыми глазками на застывших женщин, и те закричали. Зверь, свернув, пошел на Василия. В руках у того ружье, и Инна кричит ему: «Стреляй!». Но дед неподвижен. Не спуская с вепря горящего взгляда, он подпустил его к себе на пару шагов, затем – стремительный взмах руки в воздухе. Как будто толкнул. Не касаясь... Зверь рухнул к ногам супруги. Его закололи подбежавшие охотники, и Василий, победно улыбаясь, бросил на землю так и не пригодившееся ружье...

Инна долго не могла простить мужу пережитого потрясения. Она даже ушла от него, что по тем временам было неслыханно. Однако позже вернулась. Возвращение ее ознаменовалось рождением их последнего, очень позднего ребенка – моего прапрадеда Михаила. Удивительно, не так ли? Ребенок, рожденный благодаря взгляду?! Нет. Рожденный благодаря уверенности в собственных силах и, безусловно, любви.

...Теперь я понимаю, что знаю до обидного мало. А тогда? Я записывала воспоминания своих бабушек и дедушек, и все в них

казалось мне ясным. Спустя почти двадцать лет я вижу, как много пропусков в их рассказах, и как темны и непонятны иные события их жизни. Так хочется снова спросить, уточнить, убедиться... Увы, не успела... Да и сами они говорили о прошлом неохотно. Уверена – не потому, что не помнили. Просто не могли, не хотели вспоминать то страшное, что было. А еще – боялись. Боялись, как огня, своего прошлого, потому что почти все они были из «неблагонадежных» семей врагов народа и раскулаченных. Казалось, обречены, но все же сумели... Сумели вовремя уехать, выйти замуж и сменить фамилию. Сумели выжить.

И как тут не вспомнить раскулаченного прадеда Данила, который, оставшись без жены и имущества, сумел вывезти с Украины в Россию всех дочерей накануне страшного голода в тридцать третьем. И все остались живы.

Их было пятеро: Анна, Келя, Ульяна, Марфа и Дуня. Самой старшей – семнадцать, самой младшей – три. Поначалу было тяжело. Спали покатым на полу, укрывались соломой, работали в шахте наравне со взрослыми. Со временем обжились, купили домишко, девочки пошли в школу. А в сороковом – упорные слухи о надвигающейся войне.

«Родился в Украине, в Украине и умру», – решил прадед, бросил работу и, распродав нажитое, вернулся. И снова – без дома, работы и денег. Долго скитались по съемным углам, потом как-то устроились. Данила выдал замуж всех дочерей, женился сам, пережил войну и умер в конце пятидесятых, как и хотел, в Украине. Пару лет назад я ездила в его родное село и нашла там могилу прадеда. Огромный куст сирени, перекосившийся крест и фото. На нем я узнала папин прищур глаз, плавный овал лица и крупный, с горбинкой, нос...

Только сейчас я понимаю, какой черствой и не чуткой была я в своем желании, когда, несмотря ни на что, упрямо просила, требовала: «Скажи!».

Мой дед Иван прошел всю войну, дошел до Берлина и вернулся домой к жене и дочке только в сорок седьмом, больной и измученный. Грудь его в День Победы сверкала от орденов и медалей, но он отчего-то никогда не рассказывал нам, внукам, своих историй. И вот однажды после обеда я пристала к нему с расспросами. Дед

долго молчал, но я не сдавалась – просила и ныла, пока он, разозлившись, не ушел. Тогда я обиделась, и баба Марфа, стараясь утешить, поделилась со мной крошечным кусочком его воспоминаний...

Это было под Переяславом-Хмельницким. Наши войска, отступая, попали в котел. Дед сумел вырваться, пробрался в село и сменил одежду. Пристроившись к обозу, он шел по пыльной дороге домой. И вот вдалеке засинел Днепр. У въезда на мост – немцы. Они злы, что-то кричат и сдергивают, сбивают с молодых мужчин шапки. Зачем? Когда понял, бежать было поздно. Белая кожа на бритой голове выдала в нем солдата. Деда арестовали. Отвезли в какое-то село, где на окраине леса в приспособленной под лагерь конюшне он вместе с другими солдатами просидел несколько дней. Потом, сделав подкоп, выбрали день для побега.

Воскресенье. Вечер. Сладкая истома жаркого дня неподвижно висит в воздухе. За стеной бой. «Та-та-та», – бьют из автоматов сотни кузнечиков. «Го-го-го», – заглушают их взрывы немецкого хохота. В конюшне смрад, духота, темнота. В глазах мелькают черные точки, кружатся головы, и стучит в висках. А там, на свободе, молодое задорное «го-го-го!» – все чаще и чаще. Потом заиграл патефон. И гром шепота: «Первый, пошел!» – разрезал время на до и после.

Бойцы медленно, по одному, протискивались в черную дыру. Дед был почти последним, но вдруг чья-то сильная рука, смешав очередь, толкнула его вперед. За стеной, почти рядом, спасительный лес. Солдаты ползут друг за дружкой. Еще немного... И все бы получилось, но... Их выдала собака. Своя, чужая – неизвестно. Она залаяла, и немцы открыли огонь. Обезумевшие от злобы пули вонзались в живые спины, и замыкающие цепочку стали спасительным щитом для впереди бежавших. И тем, первым, удалось спастись, они успели нырнуть во тьму леса.

Среди успевших был и мой дед. После войны он дал жизнь еще двум сыновьям – дяде Толе и моему отцу. И кто знает, родились бы они, если бы тогда, в тот страшный вечер побега, чья-то сильная рука не подтолкнула деда к выходу? Кто он, тот человек? И почему вдруг решил он так поступить и выбрал именно его – моего деда? Что стало с ним? Увы, никогда не узнаем...

Бабушки охотнее делились своими воспоминаниями. Пора их юности выпала на страшные военные годы. Но и тогда, несмотря

на весь ужас происходящего, молодость брала свое, они хотели быть красивыми, хотели нравиться и влюбляться.

Я помню, с каким волнением рассказывала мне бабушка Наташа, как однажды она попала в облаву. Немцы схватили ее вместе с другими женщинами и закрыли в каком-то сарае. И женщины постарше, не теряя времени, принялись тут же пачкать грязью и навозом лица и волосы молодых. А еще они низко вязали девушкам платки. Вязали так, чтобы спрятать молодые девичьи глаза.

– Ты не представляешь! – восклицала бабушка, шумно вздыхая. – Все внутри меня было против, все взбунтовалось! Но я понимала – так нужно, и покорилась.

Через время их выпустили. Немцы брезгливо морщились и смеялись... Но цель была достигнута, никого из девушек не тронули.

Вспоминая молодость, бабушка часто показывала мне одно фото. Это была единственная фотография ее юности, сделанная уже при немцах и подаренная на память жениху Володе.

– Давай посмотрим карточку, – предлагала она, улыбаясь, и было видно, как нравится ей здесь свое изображение.

На карточке бабушке семнадцать, она красива, карие глаза ее горят, и губы тронуты помадой. Внизу стоит дата: 20 октября 1941 года. На обороте старательно выведенная надпись: «Володя! Не вспоминай, когда смотришь, а смотри, когда вспомнишь!».

Володя – это мой дед. Они поженились в сорок втором, а спустя два года чудом остались живы. Я слышала эту историю от бабушки лишь однажды – слишком страшным для нее, наверное, было это воспоминание, несмотря на прошедшие годы.

Январь сорок четвертого. Советские войска стремительно наступают, и через город бегут немцы. Они проносятся на машинах и мотоциклах, спасаются верхом на лошадях и просто идут. Черным бесконечным потоком по белоснежным дорогам, тропинкам и даже покрытой льдом реке...

В маленьком домике из двух комнат – семь человек. Бабушка Наташа и дед Володя. Его родители. Бабушкина мама Надя (моя прабабушка) и сестра с годовалой дочуркой. Надвигается ночь.

– Последняя ночь, – в возбуждении шепчет прабабушка, – и их не будет!

Но вдруг грохот мотоциклов разорвал тишину заснеженной улочки. Как ворвались немцы в дом, никто не помнил. Они согнали всех в спальню прабабушки. В комнатке – небольшая кровать под стенкой, рядом – маленький стульчик. Тьма, и яркая полоса желтого света из-под двери безжалостно бьет по глазам. Длинный вечер и ночь – ожидание. Страшное, жуткое... А за стеной – стук подков на сапогах, звон посуды, крики и смех. Они боялись даже заплакать...

Утром часа в четыре – шум, беготня, суматоха. И в реве моторов неслышно открылась дверь. На пороге стоял немец. Он обвел всех пустым взглядом, и автомат в его руках, как будто на привязи, полз и замирал вместе с глазами. Бабушка, дедушка, чуть дальше – сестра с маленькой Валею, затем – прабабушка, отец и мать деда... Прошли секунды, но казалось – целая вечность. Потом немец замер. Застыл на пороге, как будто дремал. И вышел.

И в комнате смогли, наконец, заплакать...

А если бы выстрелил? Секунда – и все. Не встретила бы тогда моя бабушка со старым профессором, не родилась бы моя мама, и не было бы ни меня, ни брата, ни сына моего Андрея. Так значит?.. Ужасная мысль! Так значит, и ему, этому немцу, обязана я своим рождением?! Что удержало его тогда, в сорок четвертом? Какой порыв души? Милосердие? Жалость? А может, понимание всей бесполезности еще нескольких убийств? Или пресыщенность кровью? Нечеловеческая усталость? Что? И помнил ли он потом тот домик над речкой и ту комнатку, где под дулом его автомата стояли, застыв, семь человек?

Как много вопросов и мало ответов... Как удивительна и непредсказуема бывает жизнь... И сколько горя и бед пережили они – все те, благодаря которым «аз есмь» на этом свете...

